

Ду Сюй Лан был всего лишь набором данных, собранных Лордом Богом, он не был похож на себя, он не бессмертная душа, как он может следовать за Юньшэнем? Курение - это нормальная привычка, и подобные жесты тоже нормальны. Чжоу Юньшэн убедил себя в этом, но горечь в его сердце была невыразимой.

Но вскоре у него не было времени думать об этом. Фу Сюань звонил ему и неоднократно напоминал, чтобы он начал рисовать маслом, чтобы получить главный приз, его тон был слишком нетерпеливым, чтобы его скрыть.

У Фу Сюаня в сфере масляной живописи был очень сильный опыт. Его отец был президентом Ассоциации живописи и каллиграфии страны С, а мать - всемирно известным художником-масляником, хорошо разбирающимся в пейзажной живописи. Ее шедевр "Пшеничная волна" был продан за 7,5 миллионов долларов в аукционном доме Deli Jia. Фу Сюань унаследовал от своих родителей прекрасные гены, в возрасте шести лет он провел собственную персональную выставку, он был искусным художником.

Но в высших классах Чжунъюн (основной смысл, по-видимому, заключается в путанице учения об умеренности. Будучи богатым, трудно быть умеренным человеком) это не было обычным явлением, и, к сожалению, Фу Сюань был очень типичным. В результате преждевременного успеха он стал тщеславным. В сочетании с тем, что он был очень востребован, он постепенно потерял свои амбиции. Он не только не изучал свои навыки, но и пристрастился к еде и питью. Навыки рисования нужно было отшлифовать. После игнорирования кисти вдохновение и мастерство будут вымываться с течением времени. Когда Фу Сюань обнаружил, что стоит перед холстом, на котором уже невозможно провести прямую линию, он, наконец, запаниковал.

Но его реакцией было не заставить себя снова полюбить кисть, а нанять лакеев. Всякий раз, когда инструктор устраивал домашнее задание или записи, он позволял другим делать это. В художественных школах не было недостатка в талантливых, но бедных учениках. Фу Сюань находил самых молчаливых, отчаянно нуждающихся в деньгах и непритязательных студентов. Чудесным образом он не только дошел до выпускного класса, но и стал одним из лучших учеников в глазах учителей.

Но Международный конкурс живописи маслом проводился раз в пять лет, это было одно из самых важных событий в мире искусства. Прислужники Фу Сюаня также имели квоту, они хотели бы воспользоваться этой возможностью, чтобы стать знаменитыми, поэтому они, естественно, отвергли его. Фу Сюань запаниковал, но тут в его сознании всплыл Вэй Сянь.

Характер Вэй Сяня был замкнутым, сдержанным, и он редко общался со студентами. Фу Сюань, естественно, не знал его семейного происхождения, но он знал, что он сирота, поэтому выбрал его в качестве своей цели. Картина была результатом поломки Сяня. Он излил все свое нежелание, боль, тоску, печаль и замешательство. Он нарушил свой обычный гладкий стиль, совершенству эстетике классицизма и абстракции вместе. Это было потрясюще.

С этим шедевром Вэй Сянь получил возможность стать одним из лучших художников-масляников. Но Фу Сюань украл его картину и осмелился также привлечь его к суду, когда он возразил. Вэй Сянь, которого выгнали из дома Нин, естественно, не мог сопротивляться. Ему пришлось договориться с Фу Сюанем во внесудебном порядке, и ему было приказано навсегда уйти из индустрии масляной живописи. Вэй Сянь, который больше не мог поднять свою любимую кисть, испытывал невообразимую боль и потерял волю к жизни.

Теперь, когда Чжоу Юньшэн занял его место, его картина находилась в его собственной

студии, что затрудняло плагиат Фу Сюаня. Видя, что срок подачи работ приближается, он, наконец, забеспокоился, постоянно звонил и даже сказал Чжоу Юньшэну, что инструктор поручил ему собирать заявки. Чжоу Юньшэн пообещал и повесил трубку с темными глазами.

Он внимательно посмотрел на работу на мольберте, изменил несколько мест, где он не был удовлетворен, и отнес ее в кабинет Нин Си Нянь после того, как она высохла.

Это были выходные, так что Нин Си Нянь была в домашнем кабинете. Он внимательно читал толстую папку, каждые десять минут смотрел на монитор и видел, что мальчик, как обычно, стоит и рисует, отчего его сердце чувствовало себя очень спокойно. Мальчик не уходил внезапно, он всегда стоял на месте и ждал его. Эта мысль пришла ему в голову внезапно, но от этого он почувствовал себя лучше.

Как только он отложил папку, в дверь постучали. Нин Си нетерпеливо спросил: "Кто?".

"Это я", - голос мальчика был четким и сладким.

Нин Си Нянь на мгновение замер, затем немедленно выключил монитор компьютера, поправил раскиданные папки и быстро направился к двери. Он остановился перед дверью, чтобы поправить прическу в зеркале книжного шкафа, после того, как он был удовлетворен своей красотой, он улыбнулся и открыл дверь: "Вэй Сянь, входи".

Он, естественно, схватил мальчика за белое запястье и подвел его к двуспальному дивану. Он хотел налить ему чашку кофе, но почему-то почувствовал, что напиток не тот, и спустился на кухню, чтобы налить стакан молока. Когда он вернулся, он осторожно протянул его ему. Чжоу Юньшэн чувствовал себя комфортно, когда ему прислуживали, но на его лице появилось польщенное выражение. Слегка покрасневшие щеки, сопровождаемые парой ясных и влажных персиковых глаз, фанат Нин Си почти не мог сдержаться.

Взволнованный, Нин Си Нянь сел рядом с мальчиком и тихо спросил: "Вэй, ты хочешь мне что-то сказать?". Если бы это было пустяком, то мальчик не проявил бы инициативы, чтобы приблизиться к нему.

"Я хочу принять участие в конкурсе масляной живописи", - сказал Чжоу Юньшэн, робко наблюдая за ним и шепча своими красными тонкими губами.

"Я знаю... Разве ты не получил приглашения? Я немедленно позвоню, чтобы тебе его принесли. На самом деле, я поставлю тебя прямо в финал". Это была прекрасная возможность продемонстрировать свою серьезность, как мог Нин Си Нянь упустить ее? Прежде чем он закончил говорить, его руки уже набирали строку цифр.

Группа Нина была крупнейшим спонсором этого художественного мероприятия, и провести его в финал было легко.

"Нет, нет", - Чжоу Юньшэн быстро схватил его за руку, его маленькое личико вспыхнуло, - "У меня есть приглашение".

Нин Си Нянь притянул его к себе и, поглаживая по мягким волосам, спросил: "Тогда почему ты пришел ко мне?".

"Большой извращенец, очень любит использовать любую возможность, чтобы прикоснуться ко мне", - Чжоу Юньшэн тайно стиснул зубы, опустив голову, он неопределенно сказал: "Могу ли я отправить эту картину?".

Нин Си Нянь наконец заметил рамку размером 22×14 у своих ног. Он открыл защитную крышку, и появилось лицо маленького толстого ребенка Нин Ваншу, выглядевший еще более пухлым.

Маленький ребенок сидел на корточках на земле, одетый в очень большую белую рубашку с высоко задранными рукавами. Он поднял свои две толстые маленькие руки, так что люди, наблюдавшие за картиной, увидели его покрытые краской ладони. У его ног лежал холст с отпечатками маленьких ладоней, в его глазах это был, очевидно, шедевр, поэтому он блестяще рассмеялся, даже солнечный свет, цветший на заднем плане, не шел ни в какое сравнение.

Картина была полна любви и нежности в каждом штрихе. Теплота занимала почти весь холст - надежда, радость, спокойствие, бодрость, жизненная сила и счастье лились из холста.

Нин Си Нянь уставился на картину. Он почти забыл, когда в последний раз видел улыбку сына.

"Могу я принести эту картину на конкурс?", - Чжоу Юньшэн мягко коснулся его руки.

"Конечно, можешь", - сказал он. Он помолчал немного и добавил: - "Ты можешь нарисовать мой портрет?".

Он никогда не признался бы, что немного завидует собственному сыну.

"Конечно могу", - Чжоу Юньшэн кивнул, осторожно положив защитный чехол обратно на раму.

Фу Сюань посмотрел на Чжоу Юньшэна, доставляющего картину, как на спасителя. Он открыл холст и долго смотрел на него, а услышав, что ребенок на картине был только воображаемым, он наконец успокоил свою нервозность. Он знал, что картина будет выделяться, она была слишком умной, полной очарования и эмоций, кропотливо написанной.

Его глаза не могли скрыть жадности. Чжоу Юньшэн знал, что другая сторона проглотила наживку.

Когда он вернулся домой, Нин Ваншу дремал. Чжоу Юньшэн помог ему улечься, поцеловал его пухлое личико и прошептал: "Мне жаль, что я воспользовался тобой, но я останусь с тобой до конца своей жизни, пока ты не состаришься".

После того, как он легко вышел из комнаты, Нин Си Нянь позвонил мальчику, спросил о его местонахождении в течение дня, в том числе о том, с кем он встречался, о чем говорил, что делал и так далее. Его все более и более сильное стремление к контролю и собственничеству ошеломило Чжоу Юньшэна.

"Вэй Сянь, это ты там?", - позвала Чжао Синьфан из-за двери.

Чжоу Юньшэн повесил трубку, быстро переоделся, открыл дверь и спокойно посмотрел на нее.

Чжао Синьфан была искусно накрашена, подчеркивая ее большие и яркие миндалевидные глаза. Несмотря на позднюю осень, на ней было чистое белое платье. Она намеренно опустила воротник, чтобы он не мог скрыть ее глубокое декольте. Пара стройных белых бедер были слегка прижаты друг к другу в сексуальной позе. Она была одета так, чтобы произвести впечатление.

".....Ты готов соблазнить меня? Втянуть меня в болото прелюбодеяния?", - взгляд Чжоу Юньшэна переместился.

Чжао Синьфан видела, что мальчик явно избегает смотреть на нее, ее сердце было очень гордым. Она была очень хорошо осведомлена об источнике падения мужчины. С некоторой изощренностью и умом можно было поймать даже такую крупную рыбу, как Нин Си Нянь, не говоря уже о Вэй Сяне, этом невинном мальчике. Осиротевшие и замкнутые дети, такие как Вэй Сянь, больше всего жаждали материнского тепла. Пока она улыбалась ему, говорила несколько добрых слов, другой послушно выполнял ее просьбы.

Родители Вэй Сяня оставили ему огромное наследство, хотя его нельзя сравнить с группой Нина, обычному человеку было достаточно есть, пить и наслаждаться жизнью. Чжао Синьфан долго думала и, наконец, решила взять Вэй Сяня под свое крыло для собственного использования.

Не только женщины, но и мужчины никогда не забывали свою первую любовь и свой первый раз. Чжао Синьфан планировал стать первой для Вэй Сяня.

"Невестка, тебе что-нибудь нужно?", - Чжоу Юньшэн был оттеснен в угол Чжао Синьфан. В верхней и левой частях книжного шкафа у каждого была камера, изображение было очень четким, а также крупным планом.

Чжао Синьфан ничего не знала, ее руки лежали на стене по обе стороны от щек мальчика. Ее полная грудь гладила его, ее голос был ленивым и очаровательным: "Я была одна, поэтому искала тебя, чтобы поболтать. Твоего брата весь день нет дома, мне очень одиноко".

Чжоу Юньшэн почувствовал отвращение. Он неохотно покраснел, затем сжал шею и нырнул под мышку Чжао Синьфан.

"Чего ты боишься? Боишься, что я тебя съем?", - засмеялась Чжао Синьфан. Она снова схватила его, сжала челюсть и поцеловала. Этот поцелуй был очень коротким, потому что через две секунды подросток яростно вырывался и оттолкнул ее. Он разрыдался и побежал прямо в ванную. Повернувшись лицом к унитазу, он начал рвать, даже не остановившись, когда вышла только желчь.

Черт, вот почему он не любил вступать в интимные отношения с женщинами.

На потолке ванной комнаты была установлена камера, спокойно снимающая эту сцену.

Лицо Чжао Синьфан внезапно побледнело. Даже если бы вы пригрозили убить ее, она бы никогда не ожидала такой реакции. Разве нормальные люди не должны прижимать ее к полу, чтобы она делала все, что они хотят?

Она была смущена, рассержена, но в основном паниковала. Она пригрозила у двери: "Вэй Сянь, если ты посмеешь рассказать Нин Си о том, что произошло сегодня, я скажу ему, что ты намеревался изнасиловать меня! Я его жена, ты просто незаконнорожденный брат - подумай, кому он предпочел бы поверить!".

Мальчик напрягся, лежа на унитазе и дрожа, казалось, он боялся и плакал, поэтому Чжао Синьфан ушла. Спустя долгое время он медленно поднял голову, открыв бледное лицо и чрезвычайно покрасневшие глаза.

<http://bllate.org/book/14189/1250310>